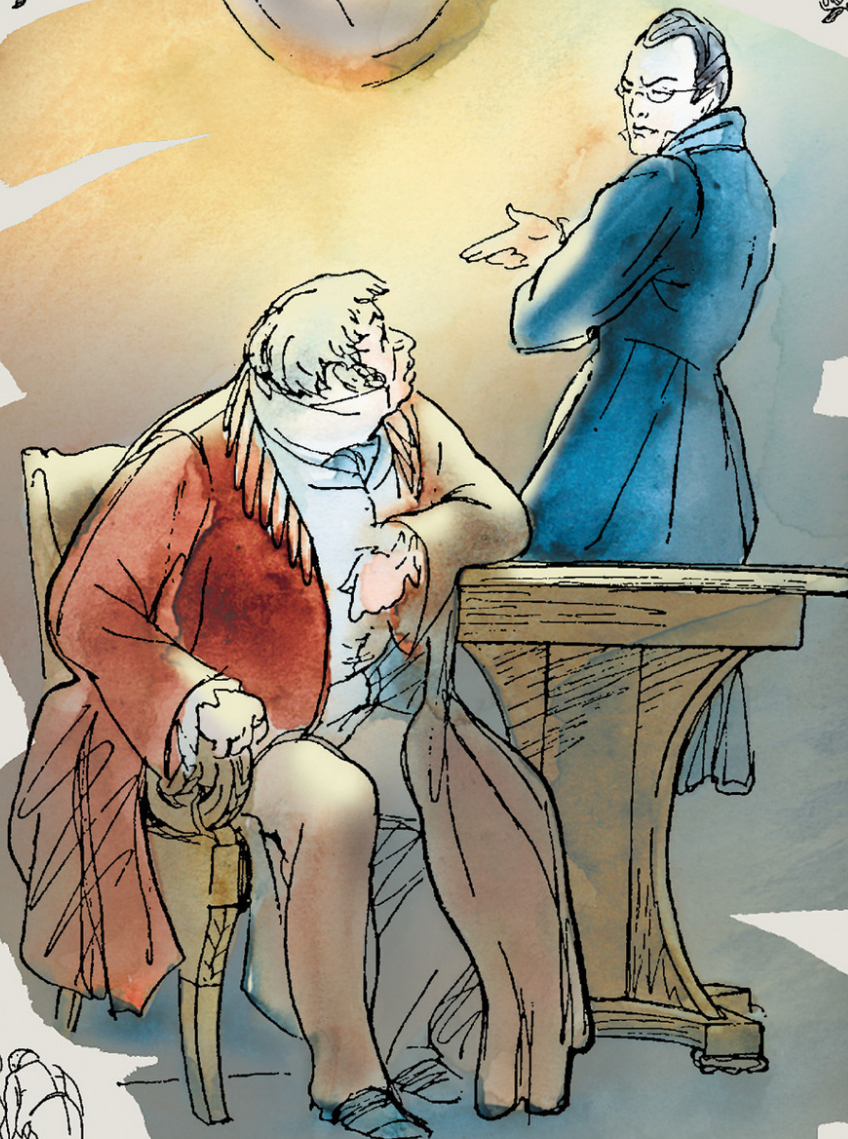

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

А. С. Грибоедов
ГОРЕ ОТ УМА

Школьная библиотека (Детская литература)

Александр Грибоедов

Горе от ума

Издательство «Детская литература»

1822-1824

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5

Грибоедов А. С.

Горе от ума / А. С. Грибоедов — Издательство «Детская литература», 1822-1824 — (Школьная библиотека (Детская литература))

ISBN 978-5-08-006275-9

Бессмертная комедия великого русского поэта со статьей И. А. Гончарова «Мильон терзаний». Для старшего школьного возраста.

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)1-5

ISBN 978-5-08-006275-9

© Грибоедов А. С., 1822-1824
© Издательство «Детская литература», 1822-1824

Содержание

Жизнь и творчество А. С. Грибоедова	8
Горе от ума	22
Действие I	23
Явление 1	23
Явление 2	25
Явление 3	29
Явление 4	30
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Сергеевич Грибоедов
Горе от ума
Комедия в четырех действиях в стихах

А. С. Грибоедов

1795–1829

Жизнь и творчество А. С. Грибоедова

Его комедия стала бессмертной. Его личность интриговала и современников, и потомков. Его судьба была блистательна и трагична. «Как жаль, что Грибоедов не оставил своих записок! Написать его биографию было бы делом его друзей», – писал А. С. Пушкин.

Александр Сергеевич Грибоедов родился в Москве 15 января 1795 года. Отец его, Сергей Иванович, в молодости гвардейский офицер, обыкновенно жил в деревне. Воспитанием детей, Александра Сергеевича и Марии Сергеевны, занималась мать, Настасья Федоровна. Грибоедов получил прекрасное образование, с юности владел французским, немецким, английским и итальянским языками, позже изучил латынь, греческий и персидский. Восемью лет его отдали в Московский благородный пансион, одно из лучших в то время учебных заведений. Занятия в пансионе вели преподаватели университета, а после окончания пансиона Грибоедов поступил в университет. Ему было одиннадцать лет, когда он стал студентом.

И брат и сестра Грибоедовы обладали прекрасными музыкальными способностями. Мария Сергеевна, любимая ученица музыканта-виртуоза Фильда, играла на арфе и была блестящей пианисткой. Грибоедов отлично играл на фортепиано и даже сочинял музыку – до сих пор исполняют два вальса Грибоедова, ноты которых сохранила его сестра.

Грибоедовы жили привычным московским ритмом, привольно и хлебосольно. Два вечера в неделю у них были танцклассы известного всей Москве учителя танцев Иогеля – настоящие детские балы. На Рождество, масленицу, пасху – публичные гулянья: в Сокольниках, у стен Кремля и Новодевичьего монастыря, под Новинским, где устраивали качели, балаганы и прочие народные забавы, которые наблюдал с большой крытой галереи родительского дома маленький Грибоедов. В память западали веселые прибаутки балаганного зазывалы, озорные скороговорки танцоров. Пройдет время – и они отзовутся в свободном стихе его комедии.

«Отечество, сродство и дом мой в Москве», – определил свое отношение к старой столице Александр Сергеевич Грибоедов. Аристократическое сродство сводило Грибоедова с будущими декабристами – Одоевскими, Нарышкиными. Летние месяцы семья проводила в Смоленской губернии, в имении дядюшки Хмелита, где встречались с семействами Якушкиных, Пестелей. Все общество увлекалось музыкой, много читали, и не только художественную литературу. В 1807 году в Москве занимала умы книга профессора Стройновского, толкующая о реформе крепостного права, в 1806 году на русский язык была переведена книга Делольма «Конституция Англии...». Об этой книге декабрист Бестужев заявит следственному комитету, что она была первой книгой, родившей в нем желание конституции. Было о чем задуматься, было о чем рассуждать юным Якушкину и Грибоедову.

В 1812 году Грибоедов готовился «для возведения в звание доктора прав». Он прошел курс трех факультетов – словесного, юридического и физико-математического. Его влекли занятия науками. Он увлекался театром и уже пробовал себя в сочинительстве. Всю жизнь повернула гроза 1812 года. Наполеон подступил к стенам древней Москвы. Грибоедов, движимый патриотическим порывом, добровольно записался в Московский гусарский полк. Но участвовать в битвах ему не довелось: полк не успели укомплектовать и срочно выслали из Москвы в тыл. В 1813 году Грибоедов оказался в Польше в кавалерийских резервах. Так началась его жизнь вне дома, вне Москвы, университета и привычных занятий. Ему было восемнадцать лет.

Походная жизнь, удалая гусарская веселость, бесшабашная смелость нравились ему, и неизвестно, как сложилась бы судьба Грибоедова, если бы он не встретил здесь друга, нравственное влияние которого ощущал потом всю жизнь. Это был Степан Никитич Бегичев. «Ты, мой друг, поселил в меня или, лучше сказать, развернул свойства, любовь к добру, я с тех пор только начал дорожить честностью и всем, что составляет истинную красоту души, с того вре-

мени, как с тобою познакомился, – писал ему Грибоедов, – и, ей-богу! Когда с тобою побываю вместе, становлюсь нравственно лучше, добрее».

Грибоедов признавался, что Бегичев заставил его всерьез размышлять о современном состоянии России, о крепостном праве, об Отечественной войне. Пройдет много лет, и Грибоедов, уже автор знаменитой комедии, задумает написать трагедию. Темой ее он выберет события войны 1812 года. Не парадные битвы – бедствия народа, судьба героя-крестьянина волновали поэта.

Трагедию Грибоедов не написал – остались наброски, планы этой своеобразной исторической хроники для сцены: «Всеобщее ополчение без дворян (трусость служителей правительства – выставлена или нет, как случится)». Подвиги народа противопоставлены поведению помещиков: «Отличия, искательства; вся поэзия великих подвигов исчезает. М* в пренебрежении у военачальников. Отпускается восвояси с отеческими наставлениями к покорности и послушанию». Никогда еще так не писали о войне с Наполеоном! Не победные фанфары, не вход в Париж русских войск оканчивали трагедию – последняя картина должна была представить трагическую судьбу героя, защитившего грудью Отечество, но не перестававшего быть крепостным: «СЕЛО ИЛИ РАЗВАЛИНЫ МОСКВЫ. Прежние мерзости. М* возвращается под палку господина, который хочет ему сбрить бороду. Отчаяние... самоубийство».

Как только кончилась война, Грибоедов взял отпуск и приехал в Петербург, а в конце 1815 года вышел в отставку и был определен на службу в Коллегию иностранных дел, чиновником которой после Лицея стал и Пушкин. Там познакомились будущий великий русский поэт и будущий автор гениальной русской комедии. Оба они были молоды, увлечены веселой столичной жизнью, влюблены в поэзию, в театр. Оба уже напечатали свои первые произведения: в 1814 году в журнале «Вестник Европы» были напечатаны две статьи Грибоедова – «Письмо из Брест-Литовска» и «О кавалерийских резервах» – и стихотворение тогда еще лицеиста Пушкина «К другу стихотворцу». Оба были приняты в кругу литераторов, прекрасно знали европейскую литературу, а каждый вечер были в театре, который страстно любили. После спектакля нередко отправлялись «на чердак» к князю А. А. Шаховскому, известному драматургу, знакомому Грибоедова еще со времен военной службы. Это он, прослушав стихи юного поэта, оценил разговорную живость их и посоветовал Грибоедову перевести одну французскую пьесу – так возникла комедия «Молодые супруги», поставленная в 1815 году в петербургском театре. Главные роли играли лучшие актеры того времени – Нимфодора и Екатерина Семеновы, Сосницкий, Брянский.

«Тон делает музыку», – любил повторять Грибоедов в эти годы. Тон его первой комедии был ироничен и легкий. «Почетный гражданин кулис» (так назовет Пушкин своего Онегина), Грибоедов полностью покорился волшебному влиянию этого дивного мира – театра. Он много работает для сцены, участвует в сочинении легких водевилей для бенефисов знакомых актеров, приспособливает или перерабатывает для постановки французские мелодрамы. Грибоедов написал сцены для комедии Шаховского «Своя семья, или Замужняя невеста»; вместе со своим приятелем А. А. Жандром – комедию «Притворная неверность»; вместе с П. А. Вяземским – водевиль «Кто брат, кто сестра, или Обман за обманом». Так создавался репертуар театра начала XIX века. Пройдет время, и Грибоедов высмеет несерьезность этого коллективного водевильного «творчества» устами комически-восторженного Репетилова, утверждавшего: «Да, водевиль есть вещь, а прочее все гиль!»

Впервые к изображению нравов, изображению петербургской жизни Грибоедов обратился в комедии «Студент», написанной вместе с Катениным. Сюжет комедии прост: в столицу, в дом знатного вельможи Звездова, является смешной поэт-провинциал. Звездов был приятелем отца поэта и заранее обещал в жены его сыну свою воспитанницу, богатую невесту. Молодые люди никогда не видели друг друга, но это не смущает расчетливого жениха. Происходит ряд комических недоразумений, путаница и крушение всех надежд незадачливого

поэта. Знатный вельможа Звездов – предвосхищение московского Фамусова. «Фрак! скорее фрак!.. – командует он, торопясь в присутственное место и отдавая на ходу разные хозяйственные распоряжения, так что зритель оказывается вполне информированным о положении дел в доме и поместьях Звездова. – Да отнести назад картины этому шельме-итальянцу, вот что всегда ко мне ходит, сказать ему, что он плут, вор; <...> Да отправить старосту из жениной деревни, наказать ему крепко-накрепко, чтоб Фомка-плотник не отлынивал от оброку и внес бы 25 рублей, непременно, слышишь ль: 25 рублей до копейки. Какое мне дело, что у него сын в рекруты отдан, – то рекрут для царя, а оброк для господина; так чтоб 25 рублей были наготове... Хоть роди, да подай». В торопливом, бестолковом, комическом монологе – и вдруг такая правдивая трагическая нота. Легкомысленная вещь водевиль. Да разве так уж все весело и легкомысленно?

Грибоедов прожил в Петербурге недолго. Веселая и несколько беспорядочная жизнь свела его с молодыми повесами. Осенью 1817 года его имя оказалось замешано в громкую и скандальную историю «дуэли четверых». Формально дуэли были запрещены, на самом деле оставались довольно распространенным явлением. На этой дуэли Грибоедов был секундантом своего приятеля графа А. П. Завадовского, которого вызвал поручик кавалергардского полка В. В. Шереметев. Секундантом Шереметева был известный дуэлянт, с детства знакомый Грибоедову, будущий декабрист А. И. Якубович. При обсуждении условий вспыхнула ссора между секундантами, и положено было им также стреляться – после окончания основной дуэли. Так дуэль стала двойной. Якубович был в восторге – рисковать своей жизнью входило в неписанный кодекс чести молодого дворянина. Однако на дуэли, которая состоялась 12 ноября 1817 года, Шереметев был убит. Происшествие, казавшееся вначале легкой шалостью, обернулось трагедией. В этой трагедии Грибоедов обвинял и себя. На него нашла ужасная тоска, его преследовал образ умирающего юноши, ему трудно было оставаться в Петербурге.

На следствии о дуэли Грибоедов, как и было условлено, показал, что результат поединка ему неизвестен. Завадовскому посоветовали покинуть Петербург – прямых улик против него не было. Только Якубович не отрицал своего участия, за что был переведен из гвардейских уланов в армейский полк на Кавказ. Через год сюда же был переведен Грибоедов. 23 октября 1818 года по настоянию Якубовича здесь, в окрестностях Тифлиса, состоялась дуэль секундантов. Грибоедов промахнулся. Якубович прострелил Грибоедову руку, чем на какое-то время лишил его возможности играть на фортепиано.

О «дуэли четверых» ходили разные слухи. Шереметева жалели, Якубович выглядел героем. В конце концов единственным виновником происшествия стали считать Грибоедова. «Я был предубежден против Александра Сергеевича, – признавался декабрист-писатель А. А. Бестужев-Марлинский. – Рассказы об известной дуэли, в которой он был секундантом, мне переданы были его противниками в черном виде». А гордый Грибоедов молчал, считая ниже своего достоинства опровергать порочащие его слухи. Но свои переживания он не забудет, их выскажет Чацкий в «Горе от ума»:

Что это? слышал ли моими я ушами!
 Не смех, а явно злость. Какими чудесами?
 Через какое колдовство
 Нелепость обо мне все в голос повторяют!
 И для иных как словно торжество,
 Другие будто страдают...
 О! если б кто в людей проник:
 Что хуже в них? душа или язык?
 Чье это сочиненье?
 Поверили глупцы, другим передают,

Старухи вмиг тревогу бьют —
И вот общественное мнение!

12 марта 1818 года судьба Грибоедова переменилась: он назначен секретарем персидской дипломатической миссии в Тегеран. Отказаться от этого «почетного назначения» было нельзя – это род ссылки, и 28 августа Грибоедов покинул столицу. Его томят мрачные предчувствия, он вспоминает Александра Македонского, который на возвратном пути из Азии скончался. «может, и соименного ему секретаря посольства та же участь ожидает», – пишет он С. Н. Бегичеву. Эти горькие признания человека гордого, не склонного к откровенности, к унынию поражают какой-то безысходностью: «Прощай, мой друг, сейчас опять в дорогу, и от этого беспрестанного противувольного движения в коляске есть от чего с ума сойти!» Он едет к месту новой службы как в ссылку, оставляя позади столицу, театр, друзей, поэзию...

По пути на Кавказ Грибоедов заехал в Москву повидать мать и сестру. Москва не удовлетворила его: «В Москве все не по мне. Праздность, роскошь, не сопряженные ни с малейшим чувством к чему-нибудь хорошему. Прежде там любили музыку, нынче она в пренебрежении; ни в ком нет любви к чему-нибудь изящному...» Позже, в «Горе от ума», такое же разочарование переживает Чацкий:

Что нового покажет мне Москва?
Вчера был бал, а завтра будет два.
Тот сватался – успел, а тот дал промах.
Все тот же толк, и те ж стихи в альбомах.

Меньше чем через месяц Грибоедов уже на Кавказе. Он всматривался в окружающее придирчиво – знакомился со своим новым жилищем. Сетовал, что, никогда не собираясь служить на Востоке, мало знает об истории этого древнего края. Патриархальные восточные обычаи, которые он здесь наблюдал, превращались в его поэтическом воображении в живые картины древности – он как бы путешествовал во времени. «Беседа наша продолжалась далеко за полночь, – описывал он прием, оказанный персами русским послан в Эривани. – Разгоряченный тем, что видел и проглотил, я перенесся за двести лет назад в нашу родину. Хозяин представился мне в виде добродушного москвитянина, угощающего приезжих из немцев, фарраши – его домочадцами, сам я – Олеарий». Грибоедов размышлял об истории, он задумал трагедию «Серчак и Итляр» – о времени Святополка Изяславича, упомянутого в «Слове о полку Игореве», зачитывался летописями, делал выписки, увлекался описанием жизни Петра I, великого преобразователя России.

Новые встречи разнообразили жизнь поэта. И все же Грибоедову не хватало театра, личной суеты, дружеского общения. И он не в частном письме, а в статье, появившейся в журнале «Сын отечества» в 1819 году, горько сетует: «Вот уже полгода, как я расстался с Петербургом... и никто из моих коротких знакомых обо мне не хватится, всеми забыт, ни от кого ни строчки! Стало быть, стоит только заехать за три тысячи верст, чтобы быть как мертвым для прежних друзей!» Тогда-то и родилась у него первая мысль о комедии. 17 ноября 1820 года в письме из Тифлиса, – может быть, к кому-то из актеров или актрис – Грибоедов рассказал легенду, как возник замысел «Горя от ума»: «...Тут вы долго ко мне приставали с вопросами, написал ли я что-нибудь для вас? Вынудили у меня признание, что я давно отшатнулся, отложился от всякого письма, охоты нет, ума нет – вы досадовали. – Дайте мне обещание, что напишете. – Что же вам угодно? – Сами знаете. – Когда же должно быть готово? – Через год непременно. – Обязуюсь. – Через год, клятву дайте... И я дал ее с трепетом». И Грибоедов добавляет: «Во сне дано, наяву исполнится».

В октябре 1821 года на Кавказе оказался близкий друг Пушкина поэт Вильгельм Карлович Кюхельбекер. Когда-то в Петербурге Грибоедов и Кюхля, как его звали друзья-лицеисты, были едва знакомы – в Тифлисе они подружились. «Гениальный», «благородный, единственный мой Грибоедов», «более чем друг» – это слова из дневника, который с 1831 года в Сибири вел Кюхельбекер, тогда уже сосланный декабрист. В этом же дневнике Кюхельбекер вспоминал: «Грибоедов писал „Горе от ума“ почти при мне, по крайней мере мне первому читал каждое отдельное явление непосредственно после того, как оно было написано». Эта творческая дружба прервалась с отъездом Кюхельбекера, высланного с Кавказа, и Грибоедов почувствовал себя одиноко: «Теперь в поэтических моих занятиях доверяюсь одним стенам. Им кое-что читаю изредка свое или чужое, а людям ничего: некому». Прошла зима 1823 года, и наконец в марте Грибоедову удалось выхлопотать отпуск. В конце месяца он уже в Москве. С Кавказа он привез два первых акта «Горя от ума».

Москва 1823 года была полна жизни. В Газетном переулке у дальнего родственника Грибоедова Владимира Федоровича Одоевского собирались Веневитинов, Погодин, Хомяков – занимались философией, читали друг другу свои стихи и трактаты; имя они выбрали себе **любомудры**, то есть любящие мудрость, философы; в московских салонах блистал князь П. А. Вяземский. Грибоедов сразу оказался в гуще литературной жизни. «Здесь Грибоедов персидский, – сообщал Вяземский как последнюю новость. – Молодой человек с большой живостью, памятью и, кажется, дарованием. Я с ним провел еще только один вечер». В этот приезд поэты подружились. Даже вместе сочиняли водевиль «Кто брат, кто сестра, или Обман за обман». И ставили в Остафьеве Фонвизина.

Но самое главное, с чем Грибоедов приехал в Москву, это начало «Горя от ума». Он читал его Бегичеву, которому не все понравилось. Грибоедов огорчился, задумался, сжег первый акт и написал его заново. Третье и четвертое действие писал летом 1823 года, в Тульском имении Бегичева, поверяя ему написанное, как некогда Кюхельбекеру. А в сентябре Грибоедов опять в Москве. Читает друзьям комедию и наслаждается успехом. Теперь он уже уверен: комедию надо печатать, ставить на сцене. Опасаясь, что московская цензура пьесу не пропустит (ведь «о Москве так грозно»), Грибоедов поспешил в Петербург.

«Все просят у меня манускрипта и надоедают», – сообщает он в первом же письме из Петербурга. Он упивается восторгами: «Голова вихрем идет». Прочитанная или, вернее, проигранная вслух комедия становится живой. Грибоедов выверяет диалоги, меняет стихи, переделывает, дописывает. «Представь себе, что я с лишком восемьдесят стихов, или, лучше сказать, рифм переменил, теперь гладко, как стекло, – писал он Бегичеву. – Кроме того, на дороге мне пришло в голову приделать новую развязку; я ее вставил между сценою Чацкого, когда он увидел свою негодяйку со свечкою над лестницею и перед тем, как ему обличить ее; живая, быстрая вещь, стихи искрами посыпались...»

Грибоедова без конца просили читать, и он ездил по всему Петербургу со своим манускриптом, не в силах отказаться хотя бы от устной публикации комедии. «Грибоедов был отличный чтец, – вспоминал А. А. Бестужев, – без фарсов, без подделок он умел дать разнообразие каждому лицу и оттенять всякое счастливое выражение». «Горе от ума» потрясло общество. Живой, свободный разговорный язык, стихи, которые, как и предсказывал Пушкин, на лету превращались в пословицы, картины русской жизни, каких не было со времен Фонвизина.

Судьба комедии тревожила не только автора. «Грибоедов теперь хлопочет о пропуске своей прекрасной комедии „Горе от ума“, которой вряд ли быть пропущенной», – сообщал известный актер В. А. Каратыгин. Грибоедову казалось, что стоит немного смягчить резкость отдельных сцен, выражений – и комедия может быть напечатана: «Надеюсь, жду, урезаю, меняю дело на вздор, так что во многих местах моей драматической картины яркие краски совсем пополовели, сержусь и восстанавливаю стертые, так что, кажется, работе конца не будет». Однако дело с напечатанием комедии затягивалось на неопределенное время и вообще

не улаживалось. И долго еще комедия не будет опубликована – ни в печати, ни на сцене при жизни автора это произведение полностью не появилось. Видимо, не только московское барство задел Грибоедов – всю старую Россию вывел он на сцену, и ему этого не простили. «Любезнейший князь, на мою комедию не надейтесь, ей нет пропуска; хорошо, что я к этому готов был, и следовательно судьба лишнего ропота от меня не услышит, впрочем любопытство многих видеть ее на сцене или в печати, или услышать в чтении – послужило мне в пользу, я несколько дней сряду оживился новою отеческою заботливостью, переделал развязку, и теперь кажется вся вещь совершеннее, потом уже пустил ее в ход, вы ее на днях получите», – писал Грибоедов в Москву П. А. Вяземскому через две недели после приезда в Петербург.

Так кончилась попытка автора напечатать «Горе от ума», и комедия стала рукописной. Современники вспоминали: «Первый списанный экземпляр сей комедии распространился по России, и ныне нет ни одного малого города, нет дома, где любят словесность, где б не было списка сей комедии».

В 1824 году в Петербурге беспокойно. «Дней александровых прекрасное начало» (слова Пушкина), когда мечтали о близких переменах, о рабстве, «падшем по манию царя», давно прошло. Гроза 1812 года на практике проверила формулу «все люди – братья»: герои возвращались после победы «под палки господина», как писал Грибоедов. Первые декабристы были из среды военных. Передовые офицеры из первых фамилий России стремились переменить ее строй. Заводили так называемые «ланкастерские школы», чтобы как можно быстрее научить солдат грамоте, идея просвещения народа была очень популярна среди членов тайного общества. Власти не одобряли этого. Шеф жандармов Бенкендорф считал, что «не должно слишком торопиться с просвещением, чтобы народ не стал по кругу своих понятий в уровень с монархами и не посягнул тогда на ослабление их власти». В 1822 году был арестован и выслан член тайного общества поэт В. Ф. Одоевский. В воспоминаниях он писал: «После моих ответов на вопросы великий князь Михаил Павлович спросил меня: „Где вы учились?“ Я ответил: „В Московском благородном пансионе“. – „Вот, что я говорил... эти университеты, эти пансионы!“ Как не вспомнить Фамусова: „Ученье – вот чума...“ и продолжает: „Уж коли зло пресечь: Собрать все книги бы да сжечь!“».

«Горе от ума» было первым произведением с такой точной и быстрой реакцией на текущие события. Это нам сейчас надо расшифровывать, комментировать слова Грибоедова – современники читали между строк. Характер Чацкого был им близок, его негодование понятно. Как и Чацкий, они «чаяли» перемен, мечтали о них, готовы были бороться – и тогда слово, проповедь становились их оружием. Важно было нарушить молчание, пробудить общественное мнение, и они не пропускали случая высказаться. «Страстный и нетерпеливый, он сам понимает, что, говоря невеждам о их невежестве и предрассудках и порочным об их пороках, он только напрасно теряет речи, – писал современник о Чацком, – но в ту минуту, когда пороки и предрассудки трогают его, так сказать, за живое, он не в силах владеть своим молчанием: негодование против воли вырывается у него потоком слов колких, но справедливых. Он даже не думает, слушают и понимают ли его или нет: он высказал все, что лежало у него на сердце, – и ему как будто бы стало легче. Таков вообще характер людей пылких, и сей характер схвачен г. Грибоедовым с удивительной верностью».

В ответ на проповедь Фамусова, восхищенного удачной карьерой «случайных» людей, умевших «подслужиться», Чацкий восклицает: «Служить бы рад – прислуживаться тошно!» Эта независимость суждений вызывает у Фамусова ужас. В Чацком он видит политического противника, подрывающего устои существующего общества: «Что говорит! и говорит, как пишет!» «Он вольность хочет проповедать!» И наконец: «Да он властей не признает!», «Строжайше б запретил я этим господам На выстрел подъезжать к столицам».

В накаленной атмосфере преддекабрьского Петербурга смелая проповедь Чацкого звучала злободневно и страстно. Он выступал разрушителем старого уклада жизни в самих его

основах. Его независимость была опасна, потому что он отрицал всю систему ценностей – положение на службе, богатство, знатность:

Мундир! один мундир! он в прежнем их быту
Когда-то украшал, расшитый и красивый,
Их слабодушие, рассудка нищету...

Мнение света заменило утраченное понятие чести – теперь важно только «Что станет говорить княгиня Марья Алексевна?». Служба перестала быть серьезным делом, способности легко подменяются безоговорочным послушанием. В этой обстановке отказ от государственной службы осознавался как протест. «Я служил отечеству, когда оно нуждалось в службе своих граждан, и не хотел продолжать ее, когда увидел, что буду служить только для прихотей самовластья», – говорил К. Ф. Рылеев. Он отказался от блестящей военной карьеры, променяв ее на скромное место судьи в Петербургской уголовной палате. Так же поступил И. И. Пущин, друг Пушкина. Они хотели по мере сил помогать своим согражданам, защищать невинных. Кажется, Грибоедов подслушал мысли своих молодых соотечественников, сжав их в краткую, полную горькой иронии реплику Чацкого: «Служить бы рад – прислуживаться тошно».

Первоначальное название комедии было «Горе уму». На языке Грибоедова, Пушкина и декабристов «ум» – это свободомыслие, независимость суждений, «вольнодумство». «...Участь умных людей, мой милый, большую часть жизни проводить с дураками, а какая их бездна у нас!» – писал Грибоедов своему другу Бегичеву. Мир распался на «умных» и «дураков». Молчалин, по классификации Грибоедова, «дурак», хотя он совсем не глуп от природы. Но он – из сферы Фамусовых и дядюшки Максима Петровича, и уже поэтому для Чацкого он неприемлем. Софья пытается хвалить Молчалина, а с точки зрения Чацкого, получается карикатура: «Целый день играет! Молчит, когда его бранят! – Она его не уважает!»

Молчалин появился в доме три года назад, как раз тогда, когда уехал Чацкий. Молчалин – человек новый в русской истории, это тип приспособленца, который Грибоедов разглядел первым и указал на него русскому обществу. «...Осмотрите: вы окружены Молчалиными, – писал в 1833 году литературный критик К. А. Полевой. – Молчалин не разбирает средств и хочет только возвышаться, унижаясь». Это существо без достоинства, без гордости, готовое ради карьеры «угождать всем людям без изъятия». «Низость наших Молчалиных не есть лицемерие и притворство: это их природа», – писал современник Грибоедова.

Поначалу Чацкий трагически недооценил липкой въедливости этого человека, неуязвимо, потому что он никогда не вступает в борьбу, но появляется после окончания схватки, чтобы присоединиться к победителям. «Они полнейшие выразители современной им действительности, – писал М. Е. Салтыков-Щедрин, – они деятельнейшие, хотя, быть может, и не вполне сознательные соиздатели тех сумерек, благодаря которым настоящий, заправский человек не может сделать шага, чтоб не раскроить себе лба». Для молодежи 1860-х годов «Молчалин» было самой бранной кличкой. «Молчалины господствуют на свете!» – иронически восклицает Чацкий. Но ирония его была горькой. Грибоедов не случайно изменил название комедии.

Горе умному человеку среди глупцов всех мастей. «...В моей комедии 25 глупцов на одного здравомыслящего человека, и этот человек, разумеется, в противоречии с обществом, его окружающим, его никто не понимает, никто простить не может, зачем он немножко повыше прочих...»

После комедии Грибоедова возникло выражение «фамусовское общество», «фамусовская Москва». Картины, «изображающие разные оттенки московского быта, так верно схвачены, так резко обрисованы, так счастливо поставлены, что невольно засматриваешься, признаешь подлинники и хохочешь», – писали о комедии. Современники пытались угадать, кто

был прототипом каждого героя. «Что такое Грибоедов? Мне сказывали, что он написал комедию на Чаадаева», – из михайловской ссылки спрашивал Пушкин друзей. Прототипом Чацкого называли то П. Я. Чаадаева, то И. Д. Якушкина, то А. А. Бестужева или А. И. Одоевского. Фамусова, старуху Хлестову, полковника Скалозуба – всех пытались узнать. Грибоедов не отрицал портретности характеров и только пытался объяснить своим незадачливым критикам, что искусство не слепок действительности: «...Портреты, и только портреты входят в состав комедии и трагедии, в них, однако, есть черты, свойственные многим другим лицам, а иные всему роду человеческому настолько, насколько каждый человек похож на своих двуногих собратий. Карикатур ненавижу, в моей картине ни одной не найдешь».

В Петербурге Грибоедов поселился в гостинице. Возвращаться на Кавказ он не торопился: А. П. Ермолов, при котором поэт состоял секретарем «по дипломатической части», продлил ему отпуск, и грибоедов собирался прямо из столицы отправиться за границу. Уже был обдуман план путешествия: Париж, потом южная Франция, Италия, оттуда через Дарданеллы, Босфор в Черное море и на Кавказ, к месту службы.

В гостинице Грибоедов прожил недолго. Его беспокоило бесконечное количество посетителей, вторгавшихся в его комнаты, часто почти незнакомых, но привлеченных слухами о комедии. Слава оказалась достаточно беспокойной гостьей. Грибоедов переехал к своему двоюродному брату, молодому поэту Александру Ивановичу Одоевскому.

«Его пылающая душа кажется огненным лучом, отделившимся от солнца», – надписал неизвестный нам современник на портрете молодого поэта. Острый ум, сердечность, душевная мягкость, незаурядное поэтическое дарование – все привлекало в Одоевском. В нем Грибоедов узнавал свою юность, чистоту помыслов и романтическую приверженность к свободе, ради которой юноша готов был пожертвовать жизнью. «Помнишь ли ты меня, каков я был до отъезда в Персию, таков он совершенно, – писал Грибоедов в Москву Бегичеву. – Плюс множество прекрасных качеств, которых я никогда не имел».

Друзья поселились в доме на углу Исаакиевской площади, из окон их квартиры хорошо была видна Сенатская. К этому времени Грибоедов уже знаком со многими будущими декабристами – и благодаря общительному характеру Александра Одоевского, недавно принятого в тайное общество, и по Вольному обществу любителей российской словесности, членом которого Грибоедов только что избран. Председателем Вольного общества был поэт Федор Глинка, член тайного общества «Союз благоденствия»; на заседаниях бывал К. Ф. Рылеев, глава Северного общества. Рылеев вместе с А. А. Бестужевым издавал альманах «Полярная звезда», каждую книжку которого ожидали как значительное литературное явление. Может быть, от Рылеева или Одоевского попали к Бестужеву несколько отрывков, переписанных из «Горя от ума». «Я проглотил эти отрывки; я трижды перечитал их. Вольность русского разговорного языка, пронзительное остроумие, оригинальность характеров и это благородное негодование ко всему низкому, эта гордая смелость в лице Чацкого проникла в меня до глубины души», – вспоминал Бестужев. Он тут же отправился к Грибоедову, чтобы высказать ему свое восхищение. Вскоре Бестужев стал обладателем полного текста комедии и самым страстным пропагандистом ее. В альманахе «Полярная звезда» за 1825 год появился отзыв Бестужева – один из первых откликов в печати на «Горе от ума»: «...Рукописная комедия г. Грибоедова „Горе от ума“ – феномен, какого не видели со времен „Недоросля“. Толпа характеров, обрисованных смело и резко, живая картина московских нравов, душа в чувствованиях, ум и остроумие в речах, невиданная доселе беглость и природа разговорного русского языка в стихах. Все это завлекает, поражает, приковывает внимание. Человек с сердцем не прочтет ее, не смеявшись, не тронувшись до слез».

В продуманной системе политической борьбы, которую разработали декабристы, важнейшая роль отводилась общественному мнению. «Общее мнение не батальон, ему не скажешь „смирно“», – любили повторять они. Об этом же писал декабрист И. Д. Якушкин: «Для

того, чтобы противодействовать всему злу, тяготевшему над Россией, необходимо было прежде всего противодействовать староверству закоснелого дворянства и иметь возможность действовать на мнение молодежи».

«Горе от ума» блестяще отвечало этим задачам: комедия действительно оказалась способной оказать влияние на мнение молодежи. Для декабристов комедия Грибоедова стала поэтической декларацией наряду с «Деревней» и одой «Вольность» Пушкина, со стихотворениями Рыльева. «Комедия „Горе от ума“ ходила по рукам в рукописи, – вспоминал декабрист А. П. Беляев, – наизусть повторялись его едкие насмешки; слова Чацкого „все распроданы поодиночке“ приводили в ярость: это закрепощение крестьян, 25-летний срок службы считались и были в действительности бесчеловечными».

В начале января 1825 года в петербургских книжных лавках появилась небольшая по формату, но довольно объемистая книжечка – альманах «Русская Талия». Ее название сразу привлекло внимание любителей театра, ведь Талия – одна из девяти муз, олицетворяющая искусство комедии. В объявлении от издателей были обещаны отрывки из комедии Грибоедова, уже ставшей знаменитой. Но счастливые обладатели довольно дорогого альманаха были разочарованы – комедия Грибоедова оказалась изуродованной донельзя. Сцены напечатаны без связи, пропущены те из них, которые особенно важны для понимания смысла комедии. Читатель получал неполное и заведомо ложное представление о произведении. Не спасал и маленький листок, вложенный в каждую книжку альманаха, «Уведомление от издателя», робко намекавший, что «некоторые стихи в комедии... не согласны с подлинником».

Тогда и появилась мысль распространить комедию в списках. Осенью 1825 года члены декабристского Северного общества «захотели воспользоваться предстоящими отпусками офицеров для распространения в рукописи комедии Грибоедова „Горе от ума“, не надеясь никаким образом на дозволение напечатать ее, – вспоминали современники. – Несколько дней сряду собирались у Одоевского, у которого жил тогда Грибоедов, чтобы в несколько рук списывать комедию под диктовку» автора, «даже с теми изменениями, которые он делал лично сам, когда ему сообщали, по его же собственной просьбе, некоторые замечания...». Списки, сделанные на квартире Одоевского, были особенно точными. Их развозили в разные концы необъятной России. «Вы, верно, уже получили... комедию Грибоедова „Горе от ума“; напиши, как она подействовала на бездейственные умы в Симбирске?» – спрашивал сестру поэт Н. М. Языков.

Между тем срок отпуска Грибоедова подходил к концу. Заграничное путешествие не удалось, вместо этого поэт решил путешествовать по России – из Петербурга в Москву, в Киев и потом через Крым к месту службы. «Горе от ума» было пережито, в душе нарастала пустота, естественная после окончания большой работы. Грибоедов жаловался на хандру и надеялся в путешествии найти тему для нового сочинения. Ему представлялось, что это должна была быть трагедия с героическими характерами и сюжетом, взятым из русской истории. «Сам я в древнем Киеве: надышался здешним воздухом и скоро еду дальше, – сообщал он друзьям. – Здесь я пожил с умершими: Владимиры и Изяславы совершенно овладели моим воображением...» Его мучила необходимость служить. «Буду ли я когда-нибудь независим от людей? Зависимость от семейства, другая от службы, третья от цели в жизни, которую себе назначил, и может стать наперекор судьбы. Поэзия!! Люблю ее без памяти, страстно, но любовь одна достаточна ли, чтобы себя прославить? И наконец, что слава? По словам Пушкина...

Яркая заплата
На ветхом рубище певца».

Свобода была его любимым словом, независимость – задушевною мечтою. «Я как живу, так и пишу свободно и свободно», – утверждал Грибоедов. Но свобода давалась не легко.

26 декабря 1826 года вместе с сослуживцами на Кавказе Грибоедов принимал присягу императору Николаю I. 26 декабря в Петербурге шло уже девятое заседание Следственного комитета по делу декабристов. На этом заседании было решено взять под арест несколько новых лиц, «оказывающихся по показаниям соучастниками в обществе мятежников». Среди них значился «служащий по дипломатической части у генерала Ермолова» А. С. Грибоедов.

Не было доказательств, что Грибоедов был членом тайного общества. Не было наверное известно, существовало ли такое общество в Грузии. Царь боялся Ермолова: этот генерал, которого декабристы в случае победы предполагали ввести в правительство, был слишком независим, обладал умом государственного человека, железной волей и реальной военной силой. Накануне восстания, 12 декабря 1825 года, Николай Павлович получил донос о готовящемся в день присяги возмущении. Тогда же Николай писал в Таганрог, где умер Александр I, начальнику штаба армии И. И. Дибичу: «Послезавтра поутру я или государь, или без дыхания». Он просил генерала уведомлять его обо всем, «что у вас или вокруг вас происходить будет, особливо у Ермолова... Я виноват, ему менее всех верю». Николай был убежден, что Ермолов связан с петербургскими заговорщиками. После 14 декабря в столице ходили слухи, будто Кавказский корпус двинулся на Петербург. Арест Грибоедова оказался в цепи событий, связанных с проконсулом на Кавказе А. П. Ермоловым, с одной стороны, и списками комедии, которые находили в бумагах арестованных декабристов, с другой.

22 января 1826 года посланный за Грибоедовым на Кавказ фельдъегерь Уклонский прибыл в крепость Грозную. Был обычный вечер: в доме коменданта Ермолов раскладывал пасьянс, Грибоедов, ненавидевший карты, скучал рядом, надеясь вознаградить себя вечерней беседой с этим умнейшим человеком. Адьютант Ермолова ввел фельдъегеря. Уклонский вручил пакет. Ермолов вскрыл пакет и помедлил, давая возможность стоявшему за его спиной адъютанту прочитать отношение военного министра: «По воле государя императора покорнейше прошу взять под арест служащего при вас чиновника Грибоедова со всеми принадлежащими ему бумагами, употребив осторожность, чтобы он не имел времени к истреблению их...» Наконец Ермолов медленно свернул бумагу и заговорил с фельдъегерем о столичных новостях. Уклонский стал рассказывать о событиях на Сенатской площади, об арестах. Между тем Ермолов велел подавать ужин. Адьютанту вполголоса было отдано какое-то распоряжение, и тот вышел, поманив с собою Грибоедова. Ужин продолжался около часа.

Было уже поздно, когда в комнату, где квартировал Грибоедов с другими офицерами, вошли дежурный по отряду полковник, адъютант и прибывший из Петербурга фельдъегерь. «Александр Сергеевич, – излишне громко произнес полковник, – воля государя императора вас арестовать. Где ваши вещи и бумаги?» Вещи помещались в двух переметных чемоданах, которые стояли тут же на полу, в головах походной постели. Чемоданы вскрыли. Бумаг там оказалось немного (Грибоедов успел уничтожить все, что могло его скомпрометировать), их зашили в холст, опечатали и отдали под расписку Уклонскому. Эту ночь Грибоедов провел в особом домике под охраной часового. На следующее утро арестованного отправили в Петербург. В письме к начальнику штаба Ермолов дал Грибоедову самую лестную характеристику.

События развивались как в романе. По дороге Грибоедов, человек очень смелый и обладавший незаурядными дипломатическими способностями, сумел расспросить сопровождавшего его фельдъегеря, так что скоро знал о происшествиях в Петербурге все, что было известно самому Уклонскому. 11 февраля Грибоедова привезли в Петербург и почти сразу привели на допрос в Эрмитаж. На все вопросы он отвечал спокойно и уверенно: «Я тайному обществу не принадлежал и не подозревал о его существовании. По возвращении моем из Персии в Петербург в 1825 году я познакомился посредством литературы с Бестужевым, Рылеевым и Оболенским. Жил вместе с Одоевским и по Грузии был связан с Кюхельбекером. Ото всех сих лиц ничего не слышал могущего дать малейшую мысль о тайном обществе. В разговорах их я видел часто смелые суждения насчет правительства, в коих сам я брал участие: осуждал, что казалось

вредным, и желал лучшего. Более никаких действий моих не было, могущих на меня навлечь подозрения, и почему оное на меня пало, истолковать не могу».

Доказать причастность Грибоедова к тайному обществу не удалось, и 2 июня 1826 года его освободили «с очистительным аттестатом». Свобода была желанной, но с привкусом горечи: в крепости оставались друзья, и среди них Александр Одоевский. Грибоедов на месяц задержался в Петербурге, чтобы немедленно узнать об участии друзей. В июле была опубликована «Роспись государственным преступникам, приговором Верховного суда осуждаемых к разным казням и наказаниям». Свыше ста фамилий: родные, близкие, друзья, почти все – знакомые. Тяжелое чувство бессилия: помочь Грибоедов ничем не мог. Он поспешил уехать из Петербурга.

На Кавказе, куда он стремился теперь как к избавлению, тоже все переменялось: нудная и затяжная война с персами, Ермолов отставлен от дел, его место занял И. Ф. Паскевич. Паскевич был родственником Грибоедову – женат на его двоюродной сестре. Матушка в Москве радовалась, что теперь карьера Александра Сергеевича обеспечена. А Грибоедов жаловался: «Плохое мое здесь житье. На войну я не попал, потому что и Алексей Петрович туда не попал... А теперь другого рода война. Два старшие генерала ссорятся, с подчиненных перья летят...» Плохо поэту среди чиновников. Эта нота недовольства, ощущение себя не на месте будет теперь постоянно.

28 марта 1827 года Паскевич назначен главнокомандующим Грузией. 4 апреля он поручил Грибоедову ведение дипломатических дел с Турцией и Персией. Поэт вынужден был стать дипломатом. Он принимал участие в военном походе на Эривань. Грибоедов – человек долга. Все, что он делает, он делает добросовестно. Он человек гениальный – свои способности он вкладывает и в дела дипломатические. А в письме жалуется: «Не ожидай от меня стихов, горцы, персиане, огромная переписка нынешнего моего начальника поглощает все мое внимание. Не надолго, разумеется, кончится кампания, и я откланяюсь».

10 февраля 1828 года между Россией и Персией был заключен Туркманчайский мирный договор. В подготовке этого договора, очень выгодного для России, большую роль играл Грибоедов. И среди этих успехов, когда ему все удавалось и судьба, казалось, была к нему благосклонна, Грибоедов мечтал только об одном: уехать, «или совсем бросить службу, которую я ненавижу от всего сердца, какое бы будущее она мне ни сулила».

14 марта 1828 года Грибоедов привез в Петербург текст Туркманчайского договора. В столице он был принят как победитель. Самые именитые сановники торопились оказать ему внимание. Чествовали посла, дипломата, но не автора гениальной русской комедии. А он по-прежнему мечтает уйти в отставку и отдаться целиком занятиям литературным: «Я еще нового назначения не имею. Да если и получу, да мимо идет меня чаша сия. Душевно бы желал некоторое время пробыть без дела официального и предаться любимым моим занятиям». Но быть без дела, без официального занятия в николаевской России почти то же, что быть вольнодумцем!

В Петербурге Грибоедов встретил Пушкина, Вяземского, Мицкевича. Пушкин читал «Бориса Годунова». И не было у Пушкина слушателя лучше Грибоедова – он всей душой принял «мысль народную», которая пронизывает всю трагедию, восхитился величавой простотой повествования и звучными, свободными, естественными стихами. Вот что такое трагедия народная, вот как надо и о войне 1812 года... В этот приезд поэты много беседовали. А когда Грибоедов наиграл Глинке мелодию грузинской песни, музыка пленила Пушкина, и он написал романс «Не пой, красавица, при мне ты песен Грузии печальной...».

3 декабря 1828 года Грибоедов послал своему начальнику Паскевичу подробный рапорт обо всех делах. Оканчивалось это письмо неофициально – Грибоедов просил Паскевича хлопотать об облегчении участи Александра Одоевского, хлопотать, чтоб его перевели на Кавказ, дали возможность выслужить чин. И не стоит напоминать, что просить за декабриста в

1828 году – акт гражданского мужества. Смелый человек Грибоедов, верный друг Грибоедов. Ведь совсем недавно его самого едва не отправили в Сибирь.

Отставка не состоялась. Грибоедов получает назначение в Персию, выполнять почти неисполнимые условия мирного договора. Он пытается отказаться – не прямо, но ставит перед царем заведомо невыполнимые условия. Он требует себе чрезвычайных полномочий. Грибоедов ликует – он вывернулся, его чин не позволяет получить место чрезвычайного и полномочного министра. Но мышеловка захлопнулась: он получает и чин, и полномочия. Теперь он понимает, что послан на гибель, он говорит об этом Пушкину перед отъездом в Персию: «Пустил бы я на свое место какого-нибудь франта, охотника до почетных званий, dandy петербургского Bonds-street – Невского проспекта, чтобы заставить его душою полюбить умеренность в желаниях и неизвестность».

В Тифлисе, как называли тогда Тбилиси, все было по-старому и лето в самом разгаре, когда Грибоедов вернулся. В Тегеран ехать не имело смысла. Отсюда министр мог диктовать условия и требовать выплаты контрибуции с большим успехом – так считал Грибоедов. А тем временем подготовить свой отъезд в Персию.

Мирная передышка поэту была необходима. «Это было 16-го. В этот день я обедал у старой моей приятельницы Ахвердовой, за столом сидел против Нины Чавчавадзе, все на нее глядел, задумался, сердце забилося, не знаю, беспокойства ли другого рода, по службе, теперь необыкновенно важной, или что другое придало мне решительность необычайную» – так описывал Грибоедов приятелю обстоятельства своей женитьбы. Юная очаровательная Нина была его ученицей в игре на фортепиано, теперь она стала его женой. «Мой роман живой у вас перед глазами... главное в нем лицо – друг ваш, неизменный в своих чувствах, но в быту, в роде жизни, в различных похождениях не похожий на себя прежнего, на прошлогоднего, на вчерашнего даже; с каждою луною со мной сбывается что-нибудь, о чем не думал, не гадал», – пишет Грибоедов друзьям. Он сам изумляется своей способности безоглядно, молодо любить и быть счастливым.

А между тем его беспокоят все обстоятельства, связанные с положением женатого человека, который должен обеспечить семью, заботиться о будущих детях. Его тревожит предстоящая служба в Персии, тягостные и опасные обязанности чрезвычайного посла: «Кажется мне, что не очень я гожусь для своего поста, здесь нужно больше умения, больше хладнокровия... Нет, ничего я не стою для службы, и назначение мое вышло неудачно». Поэт Грибоедов, автор гениальной комедии, сразу завоевавшей признание современников, стал дипломатом и все силы души, все свое искусство вынужден направлять на то, чтобы получить с нищей Персии непомерно высокую контрибуцию (так называется денежная дань с проигравшего войну). И он знает, что контрибуция непосильная, ведет утомительную переписку об этом с Петербургом, но, пока не поступили другие распоряжения, действует, как приказывает инструкция. И это все Грибоедову тем труднее, что душа его по-прежнему чувствительна «ко всему высокому, благородному, геройскому», что ему присущи «правила чести, коими б гордились оба Катона» (герои древности, известные своими высокими человеческими качествами).

Грибоедов – человек, для которого ум, целесообразность всегда были высшими критериями поступков. Он человек положительных стремлений, всегда пытается найти применение своим силам, своим знаниям. Но его знания оказываются не востребованными, а силы направлены совсем не туда, куда хотел бы сам поэт. «Я расстался с ним в прошлом году, в Петербурге, пред отъездом его в Персию. Он был печален и имел странные предчувствия», – вспоминал Пушкин свою последнюю встречу с Грибоедовым. На этот раз мрачные предчувствия не обманули поэта. 30 января 1829 года персы напали на русское посольство в Тегеране. Горстка русских сражалась отчаянно. Грибоедов возглавил свой маленький отряд. Его удивительное мужество, хладнокровие позволили русским продержаться некоторое время, но наступающих было слишком много... Обезображенный труп Грибоедова привезли в Тифлис, где он был

похоронен. Пушкин рассказывал, что он встретил траурную арбу с телом Грибоедова, когда направлялся в Арзрум, к театру военных действий.

До столицы страшная весть о трагической гибели Грибоедова докатилась только через полтора месяца. «Я был сильно поражен ужасным жребием Грибоедова, – писал Вяземский. – Давно ли видел я его в Петербурге блестящим счастливецом, на возвышении государственных удач; давно ли завидовал ему, что он едет посланником в Персию, в край, который для моего воображения имел всегда приманку чудесных восточных сказок, обещал ему навестить его в Тегеране! Как судьба играет нами и как люто иногда! Я так себе живо представляю пылкого Грибоедова, защищающегося от исступленных убийц. И тут есть что-то похожее на сказочный бред, но бред ужасный и тягостный...»

Где он? где друг? Кого спросить?
Где дух?.. Где прах??? В краю далеком.
О, дайте горьких слез потоком
Его могилу оросить,
Согреть ее моим дыханьем! —

грустил в Сибири осиротевший Александр Одоевский.

На памятнике, который установила на могиле вдова поэта Нина Александровна Грибоедова, она написала: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русских, но для чего пережила тебя любовь моя?»

На одной из центральных площадей Москвы, в окружении зелени бульвара, стоит памятник Александру Сергеевичу Грибоедову. Его знаменитая комедия не сходит со сцены, хотя прошло более полутора столетий после ее создания. Мы и сейчас учимся у Грибоедова чистоте и меткости русского языка, и сейчас пользуемся пословицами – строками из «Горя от ума». Его комедия стала поистине бессмертной.

* * *

А. С. Грибоедов всегда отрицал, что он списывал своих героев с реальных лиц, утверждая, что карикатуры он ненавидит. К. Полевой в предисловии ко второму изданию комедии в 1839 году писал: «Поэт так умел очертить свои лица, что мы, кажется, видим их перед собою. Многие хотели отыскивать их в обществе и называли по именам некоторых известных людей, будто бы изображенных Грибоедовым. Труд тщетный, но, однако ж, он служил доказательством верности изображений...» И все-таки в Фамусове современники угадывали дядю Грибоедова, Алексея Федоровича – его Грибоедов изобразил в статье «Характер моего дяди»: «Вот характер, который почти исчез в наше время, но двадцать лет назад был господствующим, характер моего дяди. Историкю предоставляю объяснить, почему в тогдашнем поколении развита была повсюду какая-то смесь пороков и любезности; извне рыцарство в нравах, а в сердце отсутствие всякого чувства». В образе Чацкого искали черты то Чаадаева, то Кюхельбекера. Впрочем, в образе Чацкого отразились многие черты характера самого Грибоедова: он горячий, порывистый, подчас резкий и независимый. Прототипом Анфисы Ниловны Хлестовой современники уверенно называли Настасью Дмитриевну Офросимову, большую московскую барыню, известную своим умом, крутым характером, откровенностью и причудами. П. А. Вяземский писал о ней: «В московском обществе имела она силу и власть. Силу захватила, власть приобрела она с помощью общего к ней уважения. Откровенность и правдивость ее налагали на многих почтение, на многих страх. Она была судом, пред которым докладывались житейские дела, тяжбы, экстренные случаи. Она и решала их приговором своим. Молодые люди, молодые барышни,

только что вступившие в свет, не могли избежать осмотра и, так сказать, контроля ее. <...> В старой Москве жила и умирали тузы обоего пола. Фамусов прав, что гордился ими».

Н. Марченко

Горе от ума *Комедия в четырех действиях в стихах*

ДЕЙСТВУЮЩИЕ

Павел Афанасьевич Фамусов, управляющий в казенном месте.

Софья Павловна, его дочь.

Лизанька, служанка.

Алексей Степанович Молчалин, секретарь Фамусова, живущий у него в доме.

Александр Андреевич Чацкий.

Полковник Скалозуб, Сергей Сергеевич.

Наталья Дмитриевна Горич, молодая дама.

Платон Михайлович Горич, муж ее.

Князь Тугоуховский и Княгиня, жена его, с *шестью дочерьми*.

Графиня бабушка Хрюмина.

Графиня внучка Хрюмина.

Антон Антонович Загорецкий.

Старуха Хлестова, свояченица Фамусова.

Г. Н.

Г. Д.

Репетилов.

Петрушка и несколько говорящих слуг.

Множество гостей всякого разбора и их лакеев при разъезде. Официанты Фамусова.

Действие в Москве, в доме Фамусова.

Действие I

Явление 1

Гостиная, в ней большие часы, справа дверь в спальню Софии, откуда слышно фортопьяно с флейтою, которые потом умолкают. Лизанька среди комнаты спит, свесившись с кресел. (Утро, чуть день брезжится.)

Лизанька (вдруг просыпается, встает с кресел, оглядывается)

Светает!.. Ах! как скоро ночь минула!
Вчера просилась спать – отказ.
«Ждем друга». – Нужен глаз да глаз.
Не спи, покудова не скатишься со стула.
Теперь вот только что вздремнула,
Уж день!.. сказать им...

(Стучится к Софии.)

Господа,
Эй, Софья Павловна, беда:
Зашла беседа ваша за ночь;
Вы глухи? – Алексей Степаныч!
Сударыня!.. – И страх их не берет!

(Отходит от дверей.)

Ну, гость неприглашенный,
Быть может, батюшка войдет!
Прошу служить у барышни влюбленной!

(Опять к дверям.)

Да расходитесь. Утро. – Что-с?

Голос Софии

Который час?

Лизанька

Всё в доме поднялось.

София (из своей комнаты)

Который час?

Лизанька

Седьмой, осьмой, девятый.

София (оттуда же)

Неправда.

Лизанька (прочь от дверей)

Ах! Амур¹ проклятый!
И слышат, не хотят понять,
Ну что́ бы ставни им отнять?
Переведу часы, хоть знаю: будет гонка,
Заставлю их играть.

Лезет на стул, передвигает стрелку, часы бьют и играют.

¹ *Амур* – в римской мифологии бог любви; в широком значении – любовь.

Явление 2

Лиза и Фамусов.

Лиза

Ах! барин!

Фамусов

Барин, да.

(Останавливает часовую музыку.)

Ведь экая шалунья ты, девчонка.
Не мог придумать я, что это за беда!
То флейта слышится, то будто фортопьяно;
Для Софьи слишком было б рано??

Лиза

Нет, сударь, я... лишь невзначай...

Фамусов

Вот то-то невзначай, за вами примечай;
Так, верно, с умыслом.

(Жметя к ней и заигрывает.)

Ой! зелье², баловница.

Лиза

Вы баловник, к лицу ль вам эти лица!

² *Зелье* – здесь в переносном смысле: проказливая.

Фамусов

Скромна, а ничего кроме
Проказ и ветру на уме.

Лиза

Пустите, ветреники сами,
Опомнитесь, вы старики...

Фамусов

Почти.

Лиза

Ну, кто придет, куда мы с вами?

Фамусов

Кому сюда прийти?
Ведь Софья спит?

Лиза

Сейчас започивала.

Фамусов

Сейчас! А ночь?

Лиза

Ночь целую читала.

Фамусов

Вишь, прихоти какие завелись!

Лиза

Всё по-французски, вслух, читает запершись.

Фамусов

Скажи-ка, что глаза ей портить не годится,
И в чтеньи прок-от не велик:
Ей сна нет от французских книг,
А мне от русских больно спится.

Лиза

Что встанет, доложусь,
Извольте же идти, разбудите, боюсь.

Фамусов

Чего будить? Сама часы заводишь,
На весь квартал симфонию гремишь.

Лиза (как можно громче)

Да полноте-с!

Фамусов (зажимает ей рот)

Помилуй, как кричишь.
С ума ты сходишь?

Лиза

Боюсь, чтобы не вышло из того...

Фамусов

Чего?

Лиза

Пора, судáрь, вам знать, вы не ребенок;
У девушек сон утренний так тонок;
Чуть дверью скрипнешь, чуть шепнешь:
Всё слышат...

Фамусов

Всё ты лжешь.

Голос Софии

Эй, Лиза!

Фамусов (торопливо)

Тс!

(Крадется вон из комнаты на цыпочках.)

Лиза (одна)

Ушел... Ах! от господ подалей;
У них беды себе на всякий час готовь,
Минуй нас пуще всех печалей
И барский гнев, и барская любовь.

Явление 3

Лиза, София со свечкою, за ней Молчалин.

София

Что, Лиза, на тебя напало?
Шумишь...

Лиза

Конечно, вам расстаться тяжело?
До света запершись, и кажется всё мало?

София

Ах, в самом деле рассвело!

(Тушит свечу.)

И свет и грусть. Как быстры ночи!

Лиза

Тужите, знай, со стороны нет мочи,
Сюда ваш батюшка зашел, я обмерла;
Вертелась перед ним, не помню что врала;
Ну что же стали вы? поклон, сударь, отвесьте,
Подите, сердце не на месте;
Смотрите на часы, взгляните-ка в окно:
Валит народ по улицам давно;

А в доме стук, ходьба, метут и убирают.

София

Счастливые часов не наблюдают.

Лиза

Не наблюдайте, ваша власть;
А что в ответ за вас, конечно, мне попасть.

София (Молчалину)

Идите; целый день еще потерпим скуку.

Лиза

Бог с вами-с; прочь возьмите руку.

Разводит их. Молчалин в дверях сталкивается с Фамусовым.

Явление 4

София, Лиза, Молчалин, Фамусов.

Фамусов

Что за оказия³! Молчалин, ты, брат?

Молчалин

Я-с.

³ Оказия (*фр.* occasion) – случай, происшествие.

Фамусов

Зачем же здесь? и в этот час?
И Софья!.. Здравствуй, Софья, что ты
Так рано поднялась! а? для какой заботы?
И как вас Бог не в пору вместе свел?

София

Он только что теперь вошел.

Молчалин

Сейчас с прогулки.

Фамусов

Друг. Нельзя ли для прогулок
Подальше выбрать закоулок?
А ты, сударыня, чуть из постели прыг,
С мужчиной! с молодым! – Заняты для девицы!
Всю ночь читает небылицы,
И вот плоды от этих книг!
А всё Кузнецкий мост⁴, и вечные французы,
Оттуда моды к нам, и авторы, и музы:
Губители карманов и сердец!
Когда избавит нас Творец
От шляпок их! чепцов! и шпилек! и булавок!
И книжных и бисквитных лавок!..

София

Позвольте, батюшка, кружится голова;

⁴ *Кузнецкий мост* – улица в центре Москвы. Во времена Грибоедова на Кузнецком мосту было множество различных магазинов, принадлежавших преимущественно французским купцам: книжных, кондитерских («бисквитных лавок»), модных нарядов и т. д.

Я от испуги⁵ дух перевозжу едва;
Изволили вбежать вы так проворно,
Смешалась я...

Фамусов

Благодарю покорно,
Я скоро к ним вбежал!
Я помешал! я испужал!
Я, Софья Павловна, расстроен сам, день целый
Нет отдыха, мечусь как словно угорелый.
По должности, по службе хлопотня,
Тот пристаёт, другой, всем дело до меня!
Но ждал ли новых я хлопот? чтоб был обманут...

София (сквозь слезы)

Кем, батюшка?

Фамусов

Вот попрекать мне станут,
Что без толку всегда журю.
Не плачь, я дело говорю:
Уж об твоём ли не радели
Об воспитаньи! с колыбели!
Мать умерла: умел я принанять
В мадам Розье вторую мать.
Старушку-золото в надзор к тебе приставил:
Умна была, нрав тихий, редких правил.
Одно не к чести служит ей:
За лишних в год пятьсот рублей
Сманить себя другими допустила.
Да не в мадаме сила.
Не надобно другого образца,
Когда в глазах пример отца.
Смотри ты на меня: не хвастаю сложенъём,
Однако бодр и свеж, и дожил до седин,
Свободен, вдов, себе я господин...
Монашеским известен поведеньём!..

⁵ В разговорном языке во времена Грибоедова наряду со словом «испуг» употреблялось «испуга».

Лиза

Осмелюсь я, судáрь...

Фамусов

Молчать!
Ужасный век! Не знаешь, что начать!
Все умудрились не по лётам.
А пуше дочери, да сами добряки.
Дались нам эти языки!
Берем же побродяг⁶, и в дом и по билетам⁷,
Чтоб наших дочерей всему учить, всему —
И танцам! и пенью! и нежностям! и вздохам!
Как будто в жены их готовим скоморохам⁸.
Ты, посетитель, что? ты здесь, судáрь, к чему?
Безродного пригрел и ввел в мое семейство,
Дал чин ассессора⁹ и взял в секретари;
В Москву переведен через мое содействие;
И будь не я, коптел бы ты в Твери.

София

Я гнева вашего никак не растолкую.
Он в доме здесь живет, великая напасть!
Шел в комнату, попал в другую.

Фамусов

Попал или хотел попасть?
Да вместе вы зачем? Нельзя, чтобы случайно.

⁶ Имеются в виду учителя и гувернеры.

⁷ Учителя, не живущие «в доме», а «приходящие», после каждого урока получали «билеты» (особые квитанции) от родителей своих учеников. По этим билетам начислялась плата за ученье.

⁸ *Скоморохи* – бродячие актеры.

⁹ *Ассессор* (коллежский ассессор) – гражданский чин. Получение этого чина давало право на личное дворянство.

София

Вот в чем, однако, случай весь:
Как давиче вы с Лизой были здесь,
Перепугал меня ваш голос чрезвычайно,
И бросилась сюда я со всех ног...

Фамусов

Пожалуй, на меня всю суматоху сложит.
Не в пору голос мой наделал им тревог!

София

По смутном сне безделица тревожит;
Сказать вам сон: поймете вы тогда.

Фамусов

Что за история?

София

Вам рассказать?

Фамусов

Ну да.

(Садится.)

София

Позвольте... видите ль... сначала

Цветистый луг; и я искала
Траву
Какую-то, не вспомню наяву.
Вдруг милый человек, один из тех, кого мы
Увидим – будто век знакомы,
Явился тут со мной; и вкрадчив, и умен,
Но робок... Знаете, кто в бедности рожден...

Фамусов

Ах! матушка, не довершай удара!
Кто беден, тот тебе не пара.

София

Потом пропало все: луга и небеса. —
Мы в темной комнате. Для довершенья чуда
Раскрылся пол – и вы оттуда,
Бледны, как смерть, и дыбом волоса!
Тут с громом распахнули двери
Какие-то не люди и не звери,
Нас врознь – и мучили сидевшего со мной.
Он будто мне дороже всех сокровищ,
Хочу к нему – вы тащите с собой:
Нас провожают стон, рев, хохот, свист чудовищ!
Он вслед кричит!.. —
Проснулась. – Кто-то говорит, —
Ваш голос был; что́, думаю, так рано?
Бегу сюда – и вас обоих нахожу.

Фамусов

Да, дурен сон; как погляжу,
Тут всё есть, коли нет обмана:
И черти и любовь, и страхи и цветы.
Ну, сударь мой, а ты?

Молчалин

Я слышал голос ваш.

Фамусов

Забавно.
Дался им голос мой, и как себе исправно
Всем слышится, и всех сзывает до зари!
На голос мой спешил, зачем же? – говори.

Молчалин

С бумагами-с.

Фамусов

Да! Их недоставало.
Помилуйте, что это вдруг припало
Усердье к письменным делам!

(Встает.)

Ну, Сонюшка, тебе покой я дам:
Бывают странны сны, а наяву страннее;
Искала ты себе травы,
На друга набрела скорее;
Повыкинь вздор из головы;
Где чудеса, там мало складу. —
Поди-ка ляг, усни опять.

(Молчалину.)

Идем бумаги разбирать.

Молчалин

Я только нес их для доклада,
Что в ход нельзя пустить без справок, без иных,
Противуречья есть, и многое не дельно.

Фамусов

Боюсь, судáрь, я одного смертельно,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.